

УДК 1(091)

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-172-182

«ΣΗΜΙΩΤΙΚΗ» ДЖ. ЛОККА: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Скрипник Константин Дмитриевич

Южный федеральный университет

В статье обращено внимание на неожиданное на первый взгляд появление в «Опыте о человеческом разумении» Д. Локка понятия семиотики (σημιωτική) как учения о знаках. Указанный факт анализируется с помощью ретроспективного историко-философского анализа, демонстрируется связь семиотических идей Локка с предшествующей философской традицией, с которой он мог познакомиться уже в годы обучения и преподавания в Оксфордском университете. Данный анализ проходит несколько шагов: от книги «Логика» Смиглицкого через трактаты о знаках коибрских схоластов и работы Оккама и Роджера Бэкона вплоть до античных исследований знаков. Устанавливается наличие большого числа сходных черт между идеями Локка и *ens rationis* схоластической логики, между его анализом ментальных высказываний и ментальным языком Оккама. Обращается внимание, что трактаты, посвященные природе знаков и знаковых отношений и характеристике роли знаков в философском познании, образуют специфическую философскую и семиотическую традицию. Проведенный ретроспективный анализ служит обоснованию непрерывного развития философских идей и дает аргументы в пользу отсутствия традиционно признаваемых границ между различными историческими периодами развития философии.

Ключевые слова: история философии, семиотика, Локк, Смиглицкий, Оккам, Роджер Бэкон, традиция трактатов о знаках.

J. LOCKE'S «ΣΗΜΙΩΤΙΚΗ»: HISTORY OF PHILOSOPHY'S RETROSPECTIVE

Konstantin D. Skripnik

Southern Federal University

The aim of the article is to draw attention to *prima facie* unexpected occurrence of the notion of semiotics (σημιωτική) in Locke's «An Essay Concerning Human Understanding». The author demonstrates close relationships between Locke's semiotic ideas and certain philosophical tradition of his predecessors. It is assumed that Locke might have got acquainted with this tradition while studying and tutoring at Oxford University. The author believes that the adequate method of this research is the method of retrospective historical-philosophical analysis. Semiotic ideas of Locke's «Essay...» are successors of Smiglecki's «Logica», especially, Smiglecki's «ens rationis», which, in turn, is related with the Conimbricenses' commentary on Aristotle. Moreover, it is possible to see some similarities between Locke's view on mental propositions and Ockham's mental language, and between Locke's semiotic considerations and Roger Bacon's treatise «On Signs». The article proposes arguments in favor of the philosophical tradition of sign treatises devoted to the role of sign and sign relation, which has its roots in ancient works of Plato, Theophrastus, Philodemus, Stoics and Epicureans. The given consideration provides an additional basis for the acknowledgement of philosophy's continuous development and for the rejection of traditional «borders» between the different stages of history of philosophy.

Keywords: history of philosophy, semiotics, Locke, Smiglecki, Ockham, Roger Bacon, treatises on signs.

В «Опыте о человеческом разумении» в качестве третьего раздела наук Дж. Локк называет «σημιωτική», или «учение о знаках». Но поскольку далее он говорит, что «...так как наиболее

обычные знаки — это слова, то семиотику довольно удачно называют также *λογική* — “логика”» [1, с. 200], то первый термин как бы исчезает из рассмотрения и комментарии сосредоточива-

ются либо на его характеристике логики, либо — если принимается во внимание его указание на слова — на его философии языка.

Подобные акценты оправданны, поскольку обращение Дж. Локка к проблемам языка представляется несомненной новацией философии Нового времени: так, Р. Рорти [2] даже утверждает, что характерной чертой основной работы Дж. Локка является «лингвистический поворот», который так привычно связывается в истории философии с гораздо более поздней традицией аналитической философии. Действительно, вызывает интерес тот факт, что после критики врожденных идей во второй книге «Опыта...» третья книга начинается с главы «О словах, или о языке вообще». Такое начало, заключением которого является приведенный выше тезис о третьем разделе наук, в определенной степени объясняет сам Дж. Локк, говоря о языке как великом орудии и общей связи общества и заканчивая вторую книгу примечательнейшими словами: «... нахожу, что существует такая тесная связь между идеями и словами и что наши отвлеченные идеи и общие слова находятся в таком постоянном отношении друг к другу, что невозможно говорить ясно и определенно о нашем знании, состоящем всецело из суждений (Propositions), не рассмотрев предварительно природы, употребления и значения языка» [3, с. 458]. Если обратиться к английскому тексту, то Дж. Локк использует оборот «*Signification of Language*», который в русском переводе звучит как «значение языка»; принимая это во внимание, правильнее говорить о «сигнификации языка». В фокусе изучения языка и его природы у Дж. Локка ставится отношение сигнификации между словами и идеями, теория же сигнификации и есть теория языка.

Тогда как по мановению волшебной палочки многое из положений Дж. Локка понимается совсем иначе; использование Дж. Локком понятия сигнификации проливает определенный свет на использование им терминов «σημωτική» и «учения о знаках», если учесть, что в конце XVI — начале XVII в. в схоластике «*significare*» означало репрезентацию некоторого предмета или предметов некоторым образом познавательной силе. Понятие (концепт, иногда термин) может сигнифицировать реально существующий предмет, но может сигнифицировать и то, что говорящий имеет в уме, то есть концепт. Иными словами, по мысли схоластов, сигнификация может иметь место, как это прекрасно показано Е. Эшворт [4],

как между концептами и внешними уму предметами, так и между концептами, так как сами средства сигнификации также должны сигнифицироваться. Только один этот факт заставляет обратиться к исторической ретроспективе, наследником которой в определенной степени становится Дж. Локк и выделяемый им третий раздел наук.

Старший современник Дж. Локка Т. Гоббс хотя и не выделял науку о знаках в отдельный раздел, но высказал ряд интересных семиотических идей, которые следует хотя бы кратко упомянуть в данном контексте. У Т. Гоббса исследование роли и места знаков движется в явно выраженном менталистском и ассоциативном направлении: согласно одному из его определений, имена есть знаки наших представлений (в английском варианте — «*conceptions*»), но не самих предметов. Вторым важным моментом анализа семиозиса у Гоббса является разделение им знаков (*signs*) и меток (*marks*): первые предназначены для сообщения наших мыслей другим, вторые — для того, чтобы «мы могли вспомнить собственные мысли». Однако в отличие от Дж. Локка сигнификация понимается Т. Гоббсом скорее как индикация некоторого рода или означивание некоей регулярной последовательности предметов: «Знаками (*signa*) же друг друга нам служат обычно вещи, следующие друг за другом, предворяющие или последующие, поскольку мы замечаем, что в их последовательности существует известная правильность (в английском тексте — *regularity*. — К.С.). Так, темные тучи служат знаком предстоящего дождя, а дождь — знаком предшествовавших темных туч, и это происходит только потому, что мы редко наблюдаем темные тучи, за которыми не следовал бы дождь, и никогда не видели дождя без предшествующих туч» [5, с. 82]. В семиотических идеях Т. Гоббса можно разглядеть и отголоски стоических тенденций, и, несомненно, влияние механицизма — однако все это требует отдельного рассмотрения, поэтому этими замечаниями и ограничимся. Оставим в стороне вопрос о том, были ли эти идеи известны Дж. Локку — ведь если Локк и ссылается на Т. Гоббса, то главным образом в ином контексте, контексте социально-политических рассуждений.

Хотя на первый взгляд может показаться, что «σημωτική» и «учение о знаках» появляются у Дж. Локка как будто сами по себе, однако это впечатление ошибочно. Известно, что Дж. Локк в 1652 г. поступил в Оксфорд и провел там достаточно длительный период своей жизни как в роли

студента, так и в роли тьютора. Столь же известным, хотя и не достаточно акцентированным, фактом является получение им в 1675 г. медицинской степени, чему предшествовало написание им совместно с Томасом Сиднемом двух медицинских трактатов — «*De arte medica*» и «*Anatomia*». Вероятно, одним из источников использования Дж. Локком термина «σημειωτική» являлись его занятия медициной, поскольку данный термин в латинской и английской его версиях обнаруживается в британских медицинских трактатах XVII в. Семиотика в то время была признанной и стандартной частью медицины (согласно александрийской модели кроме семиотики в состав медицины входили также физиология, патология, гигиена и терапия). В медицинском контексте семиотика занималась видимыми знаками, в качестве которых выступали некоторые естественные указатели; на их основании доктора делали выводы относительно болезни. Эта традиция ведет свое начало от античной медицины и практически сохраняется до нашего времени, иногда именуясь симптоматикой. Немаловажно заметить, что античные медицинские практики понимались как тесно связанные с философскими, хотя и развивались независимо от них. Понимание этой тесной связи наиболее отчетливо было выражено Галеном, который утверждал, что врач — он же философ. Да и Платон, характеризуя медицинское знание и сравнивая его со знанием божественным, также проводит явные параллели между медицинским знанием и знанием философским (по меньшей мере в аспекте модальности времени). Функция знаков в медицине — не только диагностическая, но и прогностическая — прозрачно выражена в собрании медицинских текстов, известном как *Corpus Hippocraticum*.

Как же обстояло дело в Оксфорде с логикой, название которой Дж. Локк использует как синоним семиотики? Обращает на себя внимание некоторая странность локковского рассуждения: говоря о том, что самые обычные знаки — это слова, он утверждает, что семиотику можно называть и логикой. Иными словами, логика понимается как учение о словах. Если вспомнить традицию тривиума как первой части свободных искусств, то все три составляющие — логика, риторика и грамматика — в конечном счете о словах; почему же Локк говорит не о грамматике, а именно о логике как учении о словах? Может ли это быть объяснено тем, как преподавали логику в период его обучения и работы в Оксфорде?

В то время структура Оксфорда как университета была исторически традиционной и состояла из четырех факультетов — свободных искусств, медицинского, теологического и факультета гражданского права. Уставом университета в 1636 г. студентам первого года предписывалось посещать занятия по латинской грамматике. Лишь после этих курсов они приступали к логике и моральной философии. И на том, и на другом курсах преподавание опиралось на работы Аристотеля (некоторые части Органона и «Никомаховой этики») и материалы из «Исагоги» Порфирия. Большое влияние на понимание логики оказали работы схоластов, с которыми, как демонстрируют письма Локка, он был неплохо знаком: в частности, в переписке упоминаются работы Сандерсона, Бургерсдейка, Де Трейо и Смиглицкого, а также книги Комбаха и Шайблера. Логические работы не привязывались к конфессиональной принадлежности их авторов: так, логические работы иезуитов изучались во всех протестантских университетах даже тогда, когда в них были сильны анти-католические настроения. Все перечисленные авторы были в основном авторами учебников, исключение составляет, пожалуй, лишь Мартин Смиглицкий [6, 7], «Логика» которого первый раз была издана в Ингольштадте в 1618 г. и трижды — в 1634, 1638 и 1658 гг. — переиздавалась в Оксфорде.

Одним из центральных понятий логики Смиглицкого [8] является понятие *ens rationis*, которому он посвящает 95 первых страниц своей книги, продолжая его обсуждение и в дальнейших разделах (диспутов, из которых состоит вся книга). *Ens rationis* есть нечто, что объективно существует в мышлении, в отличие от реального бытия, *ens reale*. В объяснении различия между ними Смиглицкий обращается к двум теориям истины — корреспондентской и репрезентационной. Мышление порождает внутри себя некий концепт, посредством которого выражается образ (не обязательно визуальный) объекта; данный объект репрезентируется. Репрезентация объекта — это и не сам объект, и не концепт объекта, который фиксирует сущность данного объекта. Репрезентация объекта и есть *ens rationis*. Однако мышление порождает два вида *ens rationis*: один вообще не имеет отношения к реальным предметам, например, единорог, второй как бы основывается на реальных предметах так, как будто они требуют обязательной репрезентации мышлением. Для того чтобы некоторые реальные предметы стали

объектами мышления, они должны репрезентироваться мышлением, что возможно лишь посредством интенционального акта, соотносящего этот предмет и *ens rationis*, точнее, репрезентирующего в мышлении этот предмет через *ens rationis*. Однако *entia rationis* не являются собственным предметом логики, предметом является то, что направляется с помощью *ens rationis*.

Первым, что направляется с помощью *ens rationis*, является перцепция, из которой посредством абстракции мышление усваивает универсальное понятие, которое существует только внутри понятия. И следующим вопросом для Смиглецкого является вопрос о словах: сигнифицируют ли слова предметы или понятия (концепты, если угодно). Смиглецкий разворачивает достаточно подробную аргументацию в пользу того, что слова первично сигнифицируют концепты, при этом в качестве аргументов используется то, что слова без концептов не имеют значения, что внутренние мысли без слов не могут быть выражены, что предметы не могут быть сигнифицированы иначе как с помощью слов. Вместе с тем Смиглецкий не отрицал, что слова могут сигнифицировать и предметы. Иначе говоря, он пытается совместить корреспондентскую и репрезентационную теорию, в которой концепты являются инструментами, обеспечивающими значение предметов через слова. Но слова сигнифицируют не естественным путем, а лишь посредством импозиции ментальных концептов; последние обладают эпистемологической первичностью по сравнению с онтологией, как четко отмечает и М. Сгарби [9].

Несомненно, что содержание «Логики» М. Смиглецкого могло оказать воздействие на рассуждения Дж. Локка, говорящего о том, что «так как рассматриваемые умом вещи, за исключением его самого, не присутствуют в разуме, то ему непременно должно быть представлено что-нибудь другое в качестве знака или в качестве того, что служит представителем рассматриваемой вещи, — это и есть идеи» [1, с. 200]. Идея репрезентирует вещь, а ее саму репрезентируют членораздельные звуки, слова (слова отличаются от просто членораздельных звуков, присущих и животным, именно сопряженностью своей с идеями). Идеи и слова являются для Дж. Локка «великими орудиями познания». Но идеи есть то, что «ум воспринимает в себе и что есть непосредственный объект восприятия, мышления или понимания» [3, с. 183], слова же — чувственные

знаки идей, и они в своем первичном или непосредственном значении сигнифицируют идеи. С семиотической точки зрения можно говорить о том, что слова есть знаки знаков, т.е. идей, которые сами являются знаками; то есть слова есть либо метазнаки, либо знаки второго уровня. Но определенная двусмысленность Дж. Локка заключается в том, что иногда он говорит и о том, что слова сигнифицируют не идеи, а сами вещи, т.е. выступают знаками того же уровня, что и идеи.

М. Смиглецкий принадлежал к ордену иезуитов и был учеником Ф. Суареса, под сильным влиянием которого находился и автор еще одного упомянутого учебника по логике, используемого в Оксфорде, — Кристофа Шамблера, а на Ф. Суареса, в свою очередь, огромное влияние оказали работы коимбрских схоластов.

Коимбрский компендиум — обзор знаменитого коимбрского комментария к работам Аристотеля — был издан в Лондоне в 1627 г.; можно предположить, что определенного рода синонимичность понимания Локком семиотики и логики могла быть основана на том, что он почерпнул из данных изданий, оговорив при этом, что если о его знакомстве с логикой Смиглецкого известно наверное, то в нашем распоряжении нет явного свидетельства знакомства его с работой коимбрских схоластов.

Однако можно предложить ряд косвенных свидетельств. Коимбрские схоластики принадлежали к ордену иезуитов и были профессорами философии в университете Коимбры примерно в конце XVI в. Самые известные из них — Эммануэль де Гоес, Косме де Магаланьш, Бальтасар Альварес и Себастиан де Коуто (1567–1639). Их учение изложено в нескольких томах, содержащих комментарии к Аристотелю, которые были опубликованы между 1592 и 1606 гг. Последний из этих томов [10], включающий комментарии на всю аристотелевскую логику, изданный и опубликованный де Коуто, особенно важен: первый раздел «Комментариев» на аристотелевский трактат «Об истолковании» имеет подзаголовок «*De signo*» и представляет собой первое, специально посвященное этому вопросу самостоятельное произведение, которое было написано несколькими десятилетиями раньше, чем аналогичные работы Гоббса, Локка и других философов XVII в. [11]. Трактаты коимбрских схоластиков были влиятельны и широко распространены в XVII в. Они выдержали несколько изданий и однажды даже были переведены на китайский.

Именно их трактат о знаках послужил основой для подобного трактата Кристофа Шайблера, который заимствовал учение коимбрских иезуитов о зеркальном отражении [12].

Традиционное обращение к тематике знаков и обозначений коимбрские схоластики при разборе этого трактата Аристотеля трансформируют в исследование широкого спектра проблем, которые в наше время были бы отнесены к семиотике, эпистемологии и психологии. Принципиальных вопросов, поднятых в нем, пять: (1) О природе знаков и об общих для них условиях; (2) О разделении знаков; (3) Об обозначении произносимых и написанных слов; (4) Являются ли понятия общими всему, а произносимые слова отличными от (всего); (5) Являются ли некоторые понятия в нашем уме истинными или ложными, тогда как другие (понятия) лишены истинности и ложности. Обсуждаемых ими вопросов на самом деле гораздо больше, но мы ограничиваемся только теми, которые имеют прямое отношение к нашей теме. Одним из самых главных для коимбрского курса было положение, согласно которому «нет ничего такого, что приводило бы к осознанию чего-либо другого и не могло быть сведено к некоторому виду знака».

На раннем этапе своего обучения Рене Декарт хорошо знал коимбрскую схоластику. Действительно, позднее он объявил, что из иезуитских учебников, которые он изучал в Ла Флеш, он «запомнил только коимбрских схоластиков, Толедо и Рубио». Коимбрские философы были также известны Г. Лейбницу, который цитировал их комментарий на аристотелевскую логику. Они были хорошо известны и в Англии: так, их логика была среди трудов, рекомендованных в Эммануэль-колледже Кембриджа знаменитым списком Ричарда Холдсвортса. Она была рекомендована к использованию также и Тимоти Халтоном — главой Королевского колледжа в Оксфорде в 1652 году — году, в котором юный Дж. Локк вступил в колледж Христовой церкви.

Одним из самых главных для коимбрского курса было положение, согласно которому «нет ничего такого, что приводило бы к осознанию чего-либо другого, и не могло быть сведено к некоторому виду знака», сам же знак определяется как то, что представляет познавательной способности что-либо [иное]; в роли знака может выступать как нечто чувственно воспринимаемое, так и умопостигаемое.

Коимбрские схоластики предлагали различные способы классификации знаков, особое значение имеют два: это тщательно обоснованное деление знаков на естественные и конвенциональные и разделение между формальными и инструментальными знаками. Главным признаком формального знака является то, что сам он, не будучи познанным, является причиной познания чего-либо еще; примером знака, вызывающего такую (познавательную) активность по способу выражения, может быть понятие. Примером же знака, формирующего знание по основанию, может быть форма физического знака, запечатленная в чувствах. Инструментальным знаком является такой знак, который сам должен быть познан первым, чтобы вести к знанию чего-либо еще. Как таковой он не будет непосредственно информировать познающего о форме того, что им обозначено, но, скорее, о форме того, что означает, т.е. о самом знаке. Понятие формального знака есть ключ к решению ряда проблем, которыми были озабочены авторы курса.

Если же вернуться к рассмотрению Дж. Локка, то у него слова иногда тоже являются формальными в смысле вышеуказанной дихотомии. Формальную сущность слова как знака составляют два отношения: отношение с сигнифицируемым предметом и отношение с интеллектом, с идеями в конечном счете. Формальная сущность знака может быть названа семиотической, являющейся чисто функциональной, она ничего не меняет в естестве той вещи, которая выступает в роли знака, но именно она, т.е. установление такого двойного отношения, переводит вещь из разряда «просто» вещей в разряд знаков.

Сделаем еще один ретроспективный шаг и зададимся вопросом о том, предшествовали ли трудам коимбрских схоластиков иные работы, написанные в русле «учения о знаках», были ли знаки предметом внимания более ранних философов. Ответ будет утвердительным. Средневековые схоласты неоднократно обращались к исследованию знаковых отношений, роли и природы знаков — можно с уверенностью говорить о наличии определенной традиции этих исследований [13]. Поскольку имеющийся материал весьма объемный, а размеры же данной статьи ограничены, то ограничимся лишь двумя фигурами, представляющими данную традицию, — Оккамом и Роджером Бэконом, хотя и их идеи будут только намечены.

Что касается Оккама, то возможно установить достаточно серьезные сходства между Оккамом и Локком в анализе ментального языка. Так, еще

Э. Краковский в своей диссертации [14], посвященной средневековым источникам философии Дж. Локка, называл его прямым последователем Оккама. Действительно, ментальный язык служил темой для серьезного обсуждения на протяжении всего Позднего Средневековья; лишь с середины XVI в. обсуждение этой темы понемногу сходило на нет, хотя Гоббс в «Левиафане» немного говорит о ментальном рассуждении. Но, что более значимо для нашей темы, Локк тоже иногда говорит о ментальных высказываниях [propositions] [1, с. 52], которые, по его мысли, лежат в основе произнесенных предложений и являются первичными по отношению к ним. В исследовательской литературе [15] находим как минимум четыре характеристики сходства. Согласно Локку, ментальные высказывания составлены из идей, а ментальные высказывания Оккама составлены из понятий. И идеи Локка, и понятия Оккама являются знаками [5, с. 471; 16, с. 5], репрезентирующими внешние предметы. Локк, равно как и Оккам, поддерживает номиналистскую («...все существующие вещи единичны») точку зрения. Подобно Оккаму, Локк полагает, что ментальное высказывание на деле составлено из множественности ментальных знаков. По Оккаму, ментальные высказывания не являются простейшими ментальными единицами, но составлены из понятий. Четвертым сходством является то, что для обоих философов ментальные высказывания являются первичными объектами знания. Так, в своем предисловии к комментарию «Физики» Аристотеля Оккам говорит, что объектом знания является целое высказывание, которое известно. Локк практически вторит Оккаму, говоря, что наше знание состоит всецело из суждений (в аутентичном тексте Дж. Локка используется «propositions»). Но при всех характеристиках сходства следует, конечно же, подчеркнуть, что теории Оккама и Локка принадлежат к совершенно разным традициям.

Перу Р. Бэкона принадлежит трактат «О знаках», который изначально был написан как вторая глава части третьей его «*Opus maius*». «*De Signis*» Бэкона был издан под этим названием в 1978 г. [17]. В 2013 г. был издан перевод трактата на английский язык [18], осуществленный Т. Малони, который убедительно показал связь данного трактата с иными работами Бэкона, в частности, «*Metaphysica*», «*Communium naturalium*» и «*Compendium studii theologiae*».

Р. Бэкон заявляет себя сторонником тех, кто утверждает, что мнение Августина, согласно которому все предметы (вещи), являющиеся знаками, являются чувственными предметами, то есть предметами, воздействующими на наши чувства, ошибочно. Бэкон проводит разделение между самим чувством, произвольным выражением этого чувства и его концептуализацией, скажем, его именовани-ем. (Мы чувствуем боль, выражаем ее посредством, например, произвольного звука и говорим о ней, употребляя слово «боль».) Тогда наше восприятие есть посредник между чувством и концептом, при этом Бэкон говорит, что оно есть результат влияния и чувственной души и души интеллектуальной. Иными словами, знаками могут быть не только некоторые чувственные предметы, но и предметы ментальные, принадлежащие интеллекту.

Согласно Бэкону, понятие знака принадлежит к категории отношения. Более точно, знак, как было указано уже в определении Августина, является триадическим отношением, так что он является — в принципе — знаком чего-то для кого-то. Подобная постановка вопроса, однако, ведет к вопросу о том, являются ли оба члена этого отношения одинаково значимыми для его существования. Что произойдет, если одна из сторон отношения не существует? Что если означаемый предмет прекратит существование? И что если не имеется когнитивной силы, обращающей внимание или даже способной обратить внимание на знак? Бэкон делает ударение на «прагматическом» отношении знак–интерпретатор, так как понятие знака является, по его мнению, существенно предписанным относительно того, для кого он означает. Так как если никто не может воспринять что-либо через знак, последний был бы недействительным и пустым, более того, он не был бы знаком. Другим отношением актуального знака к своему интерпретатору, которое должно быть в любом случае, является то, что называется реальным отношением (*relation realis*), так как, добавляет Бэкон, «не следует, что знак находится в действии, следовательно, означаемый предмет существует, потому что не-сущности могут означаться словами подобно сущностям». Имеются другие важные моменты, в которых Бэкон отклоняется от привычного мнения: так, он определяет знак как то, что предлагается чувству или интеллекту, обозначая нечто для самого интеллекта, и подчеркивает, что, в противоположность привыч-

ному описанию, имеются знаки, предлагаемые только интеллекту.

Бэкон представляет детальную классификацию знаков, принимая, комбинируя и изменяя элементы нескольких предшествующих типологий. Общий класс естественных знаков по их сущности разделяется согласно отношению между знаком и его сигнификатом на три подкласса: инференциальные знаки, основанные на более или менее постоянном соупутствии знака и означаемого; иконические знаки, основанные на внешнем подобии; и знаки, базирующиеся на каузальном отношении между знаком и означаемым предметом. Знаки вывода подразделяются на необходимые и вероятные, каждый из которых далее дифференцируется на три возможных направления временного указания (настоящее, прошлое, будущее) [более подробно см.: 13].

Бэкон дает понять, что он принимает инференциальные и иконические знаки в качестве знаков более собственных, нежели члены третьего класса, то есть нежелезные знаки, основанные на каузальном отношении. Он оправдывает это указанием на фундаментальное различие между знаковыми отношениями и каузальными отношениями: в то время как знаковые отношения необходимо конституируются интерпретатором, каузальные отношения существуют независимо, просто по причине порядка природы. Второй общий класс знаков, данных и направляемых душой, разделен согласно тому, привносит ли знак живое существо с обдумыванием (принуждением) по разуму и выбором воли или по естественному инстинкту или импульсу. Причиной выделения двух моделей естественного обозначения является, с одной стороны, двусмысленность понятия природы, означающей «субстанцию или сущность чего-либо», равно как и «сила действия без обдумывания», и с другой стороны, видение того, что, в противоположность имеющему место для естественных знаков в первом смысле, в случае последнего всегда имеется «даватель» знака, а не только и кто-то, принимающий нечто в качестве знака. В качестве гибрида двух других видов данных знаков рассматриваются восклицания. У Бэкона, как и у многих средневековых классификаторов знаков, классы знаков — даже если это эксплицитно не обосновывалось самими авторами — различаются скорее как модусы сигнификации, нежели знаки в смысле носителей знаков. Следовательно, один и тот же предмет, факт или событие может в различных аспектах попадать в различные и даже противоположные

классы знаков. Этот факт особенно важен для полного рассмотрения знаковых процессов, в которые включен устный язык. Исходным намерением семиотического анализа Бэкона является, как это было и у Августина, обеспечение оснований для семантики устного языка. Согласно Бэкону, адекватное и полное исследование «трудной темы» (*difficilis dubitatio*) относительно того, чем является сигнификат звукового выражения, должно рассматривать три различных аспекта: сигнификацию звуковых выражений независимо от навязывания (*impositio*), то есть независимо от надления их (конвенциональным) значением, их сигнификацию в соответствии с навязыванием и их сигнификацию сверх навязывания. Каждое звуковое выражение может служить, независимо от навязывания, естественным знаком. Слова могут «говорить» нечто о самом говорящем, подобно тому как художественное произведение указывает на способности художника. Более того, устное слово является естественным знаком, имплицитно, что говорящий обладает понятием объекта, обозначаемым словом соответственно его обычному значению. Сигнификативное использование языка предполагает наличие в уме говорящего некоторого понятия, соответствующего денотируемому объекту. Таким образом, отношение между звуковым выражением и ментальным концептом является, в противоположность общему мнению со времен Аристотеля и Боэция, не отношением выражения, но скорее индексной сигнификацией. В своем исследовании слов, принимающем во внимание их *«impositio»*, Бэкон подчеркивает произвольность значения. Но даже хотя первый «навязыватель» (дающий имена) свободен навязывать слово или знак чему угодно, он совершает акт навязывания таким образом, что, как утверждает Бэкон, «все имена, которые мы приписываем (навязываем) вещам, мы приписываем постольку, поскольку они наличествуют для нас подобно тому, как это имеет место с именами людей в баптизме» [18, с. 94]. В противоположность почтенной традиции семантики Аристотеля, Боэция или Порфирия, придерживающейся того мнения, что устные слова, по крайней мере, непосредственно, означают ментальные концепты, Бэкон отдает предпочтение тому взгляду, согласно которому слова означают сами предметы. Тем самым Бэкон отказывается от модели семантического треугольника и знаменует важнейший поворотный пункт от традиционной интенционалистской семантики к экстенционалистской референциальной семантике в том виде, в каком она во все возрас-

тающем масштабе стала приниматься в XIV в. Тем не менее Бэкон прекрасно осознавал тот факт, что использование имен и слов в общем не ограничено навязанным значением. После первого акта навязывания (термин «*homo*» не означает только тех людей, которые уже существовали в то время, когда имел место исходный акт *imposition*), не прекращается и использование слов, когда их оригинальные (исходные) *significata* (означаемые предметы) прекращают свое физическое существование. Бэкон намеревается разрешить трудности (с которыми сталкивается каждая каузальная теория значения, базирующаяся на понятиях «установление указания» и «заимствование указания») с помощью разделения двух модусов *impositio*. Выделение данных модусов может рассматриваться как наиболее важный его вклад в семантику. Помимо «формального» модуса придания, осуществляемого «перлокутивным» звуковым выражением типа «я называю это...», имеется иной тип, молчаливо имеющий место всякий раз, когда термин прилагается к любому другому объекту, нежели тот, который был «баптизирован» первым дающим имена. В то время как формальный способ придания указывает либо на мифическую ситуацию первого изобретателя языка, либо на акт эксплицитного создания нового слова, второй тип придания описывает то, что актуально случается в ходе каждодневного использования языка. Эта модификация значения слова постоянно имеет место без говорящего или кого-либо еще, актуально замещающего его, так как только посредством использования языка мы в течение всего дня придаем имена без осознания того, когда и как это происходит. Даже если *impositio* в описанном смысле обладает краеугольной важностью для конституирования лингвистического значения, сигнификация слов никоим образом им не ограничена. Звуковое выражение, по Бэкону, сигнифицирует многие предметы, для которых оно не придано, как оно сигнифицирует все те предметы, которые несут существенное отношение к предмету, для которого придано данное слово. Именно так, настаивает Бэкон, слова означают бесконечно много предметов.

Продолжая ретроспективное движение, обратим внимание на то, что семиотические идеи, развитые Бэконом, представляют собой замечательный пример одновременного влияния взглядов Аристотеля и Августина [19, 20]. Насколько идеи Бэкона были независимы от идей этих двух философов и насколько они зависели от них, особенно от более близкого к нему по времени Августина?

Зависимость Бэкона от идей Августина подтверждается тем, что (1) Бэкон демонстрирует близкое знакомство с теми трактатами Августина, в которых развивается доктрина знаков, — «*De Doctrina Christiana*», «*De Dialectica*» and «*De Magistro*»; (2) многие из тем, обсуждаемых Бэконом, обнаруживаются и в «*De Doctrina Christiana*»; (3) мало того, Бэкон сам указывал, что первые главы второй книги «*De Doctrina Christiana*» являются одним из источников его определения и классификации знаков; (4) Бэкон использует некоторые примеры из «*De Dialectica*» для иллюстрации двусмысленности. Бэкон ссылается и на Аристотеля, прямо называя его «Физику» и «О душе». Правда, сам Бэкон в «*Compendium studii theologiae*» настаивает на том, что его деление знаков является оригинальным, его собственным, но сравнение показывает, что определение знака у Бэкона резко отличается от определения Августина: согласно Августину, то, что не воздействует на чувства, не может быть знаком, у Бэкона же даже мысли могут быть знаками — и это принципиально важно для него.

Аристотель не оставил специального исследования, посвященного «учению о знаках», однако обращает на себя внимание то, что в Античности существовала целая традиция работ, посвященных знакам. Подробно эта традиция изложена нами в другом месте [21], здесь же достаточно будет указать лишь на некоторые опорные моменты. Так, авторами работ под названием «О знаках» были Псевдо-Гален и Филон, Зенон, Феофраст и Филодем, проблемы знака обсуждались Платоном в той или иной степени в «Кратиле» и «Тимее», «Государстве» и «Софисте». У Аристотеля проблемы не-вербального знака, собственно *semeia*, *semeinon*, (*σημείον*) или *tekmerion* (*τεκμήριον*), отделены от знака лингвистического, который именуется им *symbola* (*σύμβολον*). В стоицизме впервые появляется структура знака как триада со специальным выделением особой ментальной характеристики знакового отношения, называемой лектоном, а также выделяются виды знаков, связанные с природой познаваемых вещей. В эпикуреизме, в частности в работе Филодема, обнаруженной среди рукописей Геркуланума, обсуждается роль знаков как посылок рассуждения в связи с различием между индуктивными и дедуктивными выводами (рассуждениями).

Ретроспективное рассмотрение использования Локком несколько неожиданного на первый взгляд термина «σημιωτική» показательным в нескольких отношениях. Всего лишь на одном при-

мере демонстрируется наличие непрерывной линии развития философских исследований, несмотря на то что до той поры бытует еще представление о резком изменении проблематики философских рассуждений в момент возникновения нововременной философии. Исследователи философии Локка обратили внимание на возникновение у него того исследовательского поля, которое теперь принято называть философией языка, не обратив внимания на его семиотическую составляющую, что представляется не вполне корректным; предложенное рассмотрение в определенной степени заполняет данный пробел. Заслуживает внимание и то, что и после Локка традиция семиотических исследований не прервалась: хотя и принято считать, что современная семиотика («учение о знаках») начинается с работ Ч. Пирса и Ф. де Соссюра, считающихся ее «отцами-основателями», следует указать на интереснейшие семиотические идеи философов более позднего времени, среди которых находим, например, работы Кондильяка и Руссо. Да и сама традиция написания отдельных работ под названием «О знаках» не прервалась — так, например, обратим внимание на изданный в 1720 г. «Исторический и критический трактат о знаках» Альфонса Костадо [22], практически не известный в мировой литературе.

Список литературы

1. Локк Д. Опыт о человеческом разумении. Кн. 4 // Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 2. С. 3–201.
2. Rorty R. The Linguistic Turn. Essays in Philosophical Method. Chicago; London: Chicago Un. Pr., 1992. 407 p.
3. Локк Д. Опыт о человеческом разумении. Кн. 1–3 // Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. С. 77–582.
4. Stuart M. A Companion to Locke. Oxford: Blackwell Publ, 2016. 569 p.
5. Гоббс Т. О теле // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 622 с.
6. Савинов Р.В. Историко-философский смысл понятия *ens rationis* (ментальное сущее) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 2, № 2. С. 21–29.
7. Савинов Р.В. Эпизод из истории Контрреформации: Мартин Смиглецкий // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11, вып. 3. С. 70–76.
8. Darowski R. Marcina Śmigleckiego SJ *reŋkopiśmenne wykłady z logiki* // *Studia Philosophiae Christianae*. 1984. Vol. 20(1). S. 31–51.
9. Sgarbi M. The Aristotelian Tradition and the Rise of British Empirism. Logic and Epistemology in British Isles (1570–1689). N.Y.: Springer, 2013. 259 p.
10. *Commentarii Collegii Conimbricensis Societatis Jesu in universam dialecticam Aristotelis* («Commentaries of the Coimbra College of the Society of Jesus on the Whole Logic of Aristotle»), 1606.
11. *The Conimbricenses. Some Questions on Signs*. Trans. with Introduction and Notes by John P. Doyle. Marquette Un.Pr., 2001. 230 p.
12. Вдовина Г.В. Язык неочевидного. Учения о знаках в схоластике XVII века. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. 648 с.
13. Meyer-Oezer S. Die Spur des Zeichen. Das Zeichen und seine Funktion in der Philosophie des Mittelalters und der Fruehen Neuzeit. Berlin; N.Y.: W. de Gruyter, 1977. 321 p.
14. Krakowski E. Les sources médiévales de la philosophie de Locke. Paris: Jouve, 1915.
15. Friedman R.L., Nielsen L.O. The Medieval Heritage in Early Modern Metaphysics and Modal Theory, 1400–1700. Dordrecht: Kluwer Ac. Publ., 2003. 346 p.
16. Оккам У. Избранное. М.: Едиториал УРСС, 2002. 272 с.
17. Bacon R. An Unedited Part of Roger Bacon's Opus Maius: «De Signis» / ed. by K.M. Fredborg, L. Nielsen, J. Pinborg // *Traditio*. 1978. Vol. 34. P. 75–136.
18. Bacon R. On Signs. Trans. with an Introd. and Notes by Tomas S. Maloney. Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies, 2013. 147 p.
19. Августин. О диалектике / пер. с лат. Л.И. Рагозина, К.Д. Скрипника // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т. 17, вып. 3. С. 68–84.
20. Рагозин Л.И., Скрипник К.Д. Трактат Августина о диалектике (заметки к переводу) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т. 17, вып. 3. С. 62–67.
21. Скрипник К.Д. Семиотические идеи в истории античной философии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3. С. 82–90.
22. Costadau A. *Traite historique et critique des principaux signes qui servent a Manifester les Pensees, Ou le Commerce des Esprits*. Lyon, Bruyset, 1720–1721.

Получено 10.01.2017

References

1. Locke J. *Opyt o chelovecheskom razumenii. Kn. 4.* [An Essay Concerning Human Understanding. Book 4]. *Sochineniya v 3 t.* [Collected works: in 3 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1985, vol. 2, pp. 3–201 p. (In Russian).
2. Rorty R. (ed.) *The Linguistic Turn. Essays in Philosophical Method.* Chicago, Chicago Un. Pr., 1992, 407 p. (In English).
3. Locke J. *Opyt o chelovecheskom razumenii. Kn. 1–3.* [An Essay Concerning Human Understanding. Books 1–3]. *Sochineniya v 3 t.* [Collected Works: in 3 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1985, vol. 1, pp. 77–582. (In Russian).
4. Stuart M. (ed.) *A Companion to Locke.* Oxford, Blackwell Publ., 2016, 569 p. (In English).
5. Hobbes T. *O tele* [On the Body]. *Sochineniya: v 2 t.* [Collected works: in 2 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, vol. 1, 622 p. (In Russian).
6. Savinov R.V. *Istoriko-filosofskiy smysl ponyatiya ens rationis (mentalnoe sushee)* [Historical and Philosophical Implications of the Concept «ens rationis» (Mental Entity)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University]. 2015, vol. 2, no. 2, pp. 21–29. (In Russian).
7. Savinov R.V. *Epizod iz istorii Kontrreformatsii: Martin Smiglefskiy* [An Episode of the Counter-Reformation History: Marcin Smiglefski]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Review of the Russian Christian Academy for the Humanities]. 2010, vol. 11, iss. 3, pp. 70–76. (In Russian).
8. Darowski R. *Marcina Śmiglefskiego SJ rękopiśmienne wykłady z logiki* [Handwritten Lectures on Logic]. *Studia Philosophiae Christianae* [Christian Philosophy Studies]. 1984, vol. 20(1), pp. 31–51. (In Polish).
9. Sgarbi M. *The Aristotelian Tradition and the Rise of British Empirism. Logic and Epistemology in British Isles (1570–1689).* New York, Springer Publ., 2013, 259 p. (In English).
10. *Commentarii Collegii Conimbricensis Societatis Jesu in universam dialecticam Aristotelis* [Commentaries of the Coimbra College of the Society of Jesus on the Whole Logic of Aristotle]. 1606. (In Latin).
11. *The Conimbricenses. Some Questions on Signs.* Trans. with Introduction and Notes by John P. Doyle. Marquette Un. Pr., 2001, 230 p. (In English).
12. Vdovina G.V. *Yazyk neochevidnogo. Ucheniya o znakakh v skholastike XVII veka* [The Language of the Non-Obvious. The Doctrine of Signs in the Scholastics of the XVII Century]. Moscow, Bibliotheca Ignatiana Publ., 2009, 648 p. (In Russian).
13. Meier-Oeser S. *Die Spur des Zeichen. Das Zeichen und seine Funktion in der Philosophie des Mittelalters und der Fruehen Neuzeit* [The Trace of the Sign. The Sign and its Function in the Philosophy of the Middle Ages and the Early Modern Period]. Berlin, W. de Gruyter Publ., 1977, 321 p. (In German).
14. Krakowski E. *Les sources médiévales de la philosophie de Locke* [Medieval Sources of Locke's Philosophy]. Paris, Jouve, 1915. (In French).
15. Friedman R.L., Nielsen L.O. *The Medieval Heritage in Early Modern Metaphysics and Modal Theory, 1400–1700.* Dordrecht, Kluwer Ac. Publ., 2003, 346 p. (In English).
16. William of Ockham. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002, 272 p. (In Russian).
17. Bacon R. An Unedited Part of Roger Bacon's Opus Maius: «De Signis». Ed. by K.M. Fredborg, L. Nielsen, J. Pinborg. *Traditio.* 1978, vol. 34, pp. 75–136. (In English).
18. Bacon R. *On Signs.* Trans. with an introd. and notes by Tomas S. Maloney. Toronto, Pontifical Institute of Medieval Studies Publ., 2013, 147 p. (In English).
19. Augustine. *O dialektike / per. L.I. Ragozin, K.D. Skripnik* [On Dialectics. Trans. by L.I. Ragozin, K.D. Skripnik] *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Review of the Russian Christian Academy for the Humanities]. 2016, vol. 17, iss. 3, pp. 68–84. (In Russian).
20. Ragozin L.I., Skripnik K.D. *Traktat Avgustina «O dialektike» (zametki k perevodu)* [Augustine's Treatise «On Dialectics» (Notes to the Translation)]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Review of the Russian Christian Academy for the Humanities], 2016, vol. 17, iss. 3, pp. 62–67. (In Russian).
21. Skripnik K.D. *Semioticheskie idei v istorii antichnoy filosofii* [Semiotic Ideas in the History of Ancient Philosophy]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series «Humanitarian and Social Sciences»], 2016, no. 3, pp. 82–90. (In Russian).
22. Costadau A. *Traite historique et critique des principaux signes qui servent a Manifester les Pensees, Ou le Commerce des Esprits* [Historical and Critical Treatise of the Main Signs...]. Lyon, Bruyset, 1720–1721. (In French).

The date of the manuscript receipt 10.01.2017

Об авторе

Скрипник Константин Дмитриевич
доктор философских наук, профессор,
руководитель кафедры истории философии

Южный федеральный университет, Институт
философии и социально-политических наук,
344006, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42;
e-mail: kdskrinik@sfedu.ru
ORCID: 0000-0002-2150-1571

About the author

Skripnik Konstantin Dmitrievich
Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the Department of History of Philosophy

Southern Federal University,
Institute of Philosophy and Cultural Studies,
105/42, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don,
344006, Russia;
e-mail: kdskrinik@sfedu.ru
ORCID: 0000-0002-2150-1571

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Скрипник К.Д. «Σημιωτική» Дж. Локка: историко-философская ретроспектива // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 172–182. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-172-182

Please cite this article in English as:

Skripnik K.D. J. Locke's «Σημιωτική»: history of philosophy's retrospective // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 2. P. 172–182. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-172-182